

V. Постсоветское пространство

Пол Гуд

Национализм в тихое время: идейная власть и постсоветские электорально-авторитарные режимы*

Введение

Что делает постсоветский электоральный авторитаризм устойчивым? За распадом Советского Союза в Евразии не последовала волна демократических изменений, вопреки надеждам многих и обещаниям постсоветских лидеров. Вместо этого, политика стабильно занимала спорное пространство между авторитаризмом и демократией. Упущенные возможности 1991-го продолжают преследовать исследователей постсоветского региона в поисках источников изменения режима в рамках нестабильной комбинации формальных демократических властных структур и неформальных подрывных или антидемократических практик. Короткая вспышка серии «цветных революций» в Грузии (2003), Украине (2004) и Кыргызстане (2005), казалось, подтвердила слабость и уязвимость гибридных режимов. В то же время, смена лидерства не привела к окончательной смене режима: все три страны прошли через существенные перемены, но остались в промежуточном положении между демократическим и авторитарным управлением¹.

До настоящего времени большая часть исследовательской литературы концентрировалась на динамике институциональных потенциалов и конкуренции элит для объяснения устойчивости электорального авторитаризма². Эти инструменты,

* Статья ранее публиковалась на английском языке в журнале *Problems of Post-Communism* (2012. Vol. 59. № 3).

¹ Текст был написан до событий Евромайдана (прим. редакции).

² Brownlee J. Portents of Pluralism: How Hybrid Regimes Affect Democratic Transitions // *American Journal of Political Science*. 2009. Vol. 53. № 3. P. 515-532; *Democracy and Authoritarianism in the Postcommunist World* / Ed. V. Bunce, M. McFaul, K. Stoner-Weiss. N.Y., 2010; D'Anieri P. Explaining the Success and Failure of Post-Communist Revolutions // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. Vol. 39. № 3. P. 331-350; Howard M.M., Roessler P.G. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50. № 2. P. 365-381; Levitsky S., Way L.A. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. N.Y., 2010.; *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition* / Ed. A. Schedler. Boulder, 2006; Way L.A., Levitsky S. *The Dynamics of Autocratic Coercion after the Cold War* // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. Vol. 39. № 3. P. 387-410.

полезные для моделирования поведения режима, тем не менее, отделены от исторического контекста и, следовательно, не учитывают временную и региональную специфику обстоятельств, которые преобразуют идеи и идентичности в политический капитал. Они также не принимают в расчет, в какой мере действующие политические стратегии могут включать в себя активное стремление к поиску и производству общественного согласия или даже поддержки. Однако, есть признаки того, что электорально-авторитарные режимы могут успешно обеспечивать свою легитимность. В каждой из постсоветских стран, где происходили «цветные революции», нарушения на выборах коснулись не более 10% голосов, что во всех трех случаях было ограничено несколькими локальными регионами. Другими словами, даже без вмешательства «политтехнологов» приходится считаться с тем, что значительная часть населения скорее поддерживала существующую власть, чем оппозицию³. Также ясно, что некоторые из представителей существующей власти удивительно успешно обеспечили себе общественную поддержку, предвосхищая общественные запросы вместо манипулирования ими⁴.

В данной статье предлагается схема для включения идейной власти в понимание устойчивости электорально-авторитарных режимов, и в особенности роли национализма в стремлении к легитимности постсоветских режимов. Этот подход основан на предыдущих исследованиях антисоветской националистической мобилизации и использует идеи о конкуренции элит, разработанные в существующих исследованиях на тему электорального авторитаризма. Включая идейную власть в исследование электорального авторитаризма, этот подход выводит на передний план динамику процессов внутри режима, а также между режимом и обществом, что не рассматривалось в рамках прежних подходов, сфокусированных исключительно на элите. Таким образом, данный подход предлагает новые способы моделирования стабильности режима и определения внутренних источников нестабильности.

Постсоветский регион представляет собой подходящую среду для исследования отношений между национализмом и легитимацией гибридных и авторитарных режимов, так как ставит под вопрос значительную часть традиционных представлений о националистических диктатурах. Во-первых, бывшие советские республики в большинстве своем приняли президентские (иногда суперпрезидентские) формы управления, которые в основном склонялись к полуавторитарным режимам. Это позволяет считать типичной склонность президентов опираться на популистский национализм: если президент уже имеет практически диктаторскую власть, стимул для обращения к националистическим практикам будет для него невелик. Во-вторых, бывшие республики разделяют общую совет-

³ О роли «политтехнологов» в постсоветских режимах см.: Wilson A. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven, 2005.

⁴ Colton T.J., Hale H.E. *The Putin Vote: Presidential Electorates in a Hybrid Regime* // *Slavic Review*. 2009. Vol. 68. № 3. P. 473-503.

скую историю и опыт антисоветской националистической мобилизации⁵. В-третьих, все бывшие советские республики пережили как минимум десятилетие экономических проблем, последовавших за распадом Советского Союза – вне зависимости от выбранного ими способа перехода к рыночной экономике. Это означает, что общее объяснение националистической поддержки антидемократических режимов – т.е. экономические потрясения и унижительное положение на международной арене в 1990-х – не является эксклюзивным для отдельно взятой страны.

В следующем разделе я кратко рассмотрю некоторые характерные примеры из литературы о динамике и стабильности постсоветских электорально-авторитарных режимов. Затем я попытаюсь объяснить, насколько существенным является национализм для понимания природы и функционирования подобных режимов. Это включает в себя необходимое теоретическое отступление, где проводится связь между понятиями национализма и легитимности в рамках постсоветского пространства. Основная идея заключается в том, что национализм не исчез вместе с волной антисоветской националистической мобилизации. Схемы и комбинации, задействованные в предыдущем мобилизационном цикле, стали источником общего самоутверждения последующих режимов, продолжив придавать направление и содержание практикам этих режимов. В последнем разделе статьи я представлю характерный для существующей власти набор националистических сигналов и утверждений, которые соответствуют слабому институциональному порядку, типичному для авторитарных режимов. Я также рассмотрю идеи конкуренции, принимаемые сторонниками режима, политическими субъектами и оппозицией.

Электорально-авторитарные режимы: создание пространства для идентичности

Все большее число исследовательских работ фокусирует внимание на силах сопротивления электорально-авторитарному управлению, особенно вследствие постсоветских «цветных революций». В то же время, гибридные режимы остаются загадкой. Как правило, динамика подобных режимов изображается в свете влияния интересов властной элиты в целях сохранения своих позиций и индивидуальных либо организационных привилегий. Подобный анализ лишает существующую власть постсоветских режимов любой мотивации, кроме необходимости

⁵ Интересно, что в наименьшей степени испытали антисоветскую мобилизацию в начале 1990-х наиболее однозначно авторитарные режимы Центральной Азии. В то время как Россия, вероятно, представляет иную ситуацию, будучи бывшим ядром империи, российские националисты утверждали, что Россия угнеталась советской системой сильнее, чем прочие республики, и что именно отделение России привело к падению советской власти. Brudny Y.M. *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953-1991*. Cambridge, MA, 1998.

сохранения власти и реализации материальных интересов. На практике это преобразуется в пару рекомендаций для начинающих автократов: сохранять сплоченность элит с помощью кооптации и покровительства и предотвращать общественную мобилизацию путем принуждения.

Хейл сосредотачивается в основном на проблеме сохранения единства элит, описывая динамику режима в терминах цикличности конкуренции и консолидации элит. Элиты склонны поддерживать статус-кво до тех пор, пока они не почувствуют надвигающуюся смену лидерства. Выборы могут инициировать «фазу соревнования», во время которой дезертирство элит из правящей партии или лагеря президента становится наиболее вероятным. Впоследствии, новая правящая клика с высокой долей вероятности может вернуться к авторитарным практикам в целях закрепления занятых позиций. Фактически, это может произойти даже в редких случаях победы оппозиции. В то время как выборы могут свидетельствовать о возможной смене руководства и координировать ожидания элит, это всего лишь один из возможных триггеров цикла конкуренции⁶. Динамика конкуренции и консолидации режима лишь в широком смысле связана с институциональными характеристиками режима: то, что на самом деле запускает фазу конкуренции, менее значимо, чем институциональная логика соперничества элит.

Другие связанные с этим подходы концентрируются на клиентелистской динамике или на материальных основаниях отношений между режимом и обществом как движущей силе развития режима. Намерения режима читаются в его методах настолько, насколько это необходимо для успешной кооптации оппозиции и подавления мобилизации «снизу». Клиентелистские подходы исходят из наблюдения об ограниченности ресурсов электорально-авторитарных режимов как для принуждения, так и для покровительства. В то время как конкуренция остается сконцентрированной на элите, выборы представляют собой средство для предоставления доступа к ресурсам режима, которые сотрудничающие с ним элиты могут впоследствии распределять между своими клиентами⁷. При таком подходе вызовы для режима могут возникнуть в том случае, когда у представителей существующей власти есть лишь частичная монополия на экономические или политические ресурсы, и когда баланс возможностей мониторинга смещается в сторону тех, кто бросает вызов режиму⁸. Если избиратели поддерживают режим, то это, вероятно, происходит из-за страха потерять покровительство или подвергнуться принуждению (несмотря на тот очевидный факт, что львиная доля

⁶ Другие вероятные триггеры в основном находятся вне политики режима, включая болезнь лидера, существенный спад популярности из-за экономического кризиса или скандала, или военное поражение от другого государства. Hale H.E. *Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia* // *World Politics*. 2005. Vol. 58. № 1. P. 139.

⁷ Lust E. *Competitive Clientelism in the Middle East* // *Journal of Democracy*. 2009. Vol. 20. № 3. P. 122-135.

⁸ Medina L.F., Stokes S.C. *Monopoly and Monitoring: An Approach to Political Clientelism* // *Patrons, Clients and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition* / Ed. H. Kitschelt, S. I. Wilkinson. N.Y., 2007. P. 68-83.

покровительства отведена элитам вместо того, чтобы распределяться локально)⁹. Другими словами, избиратели не столько поддерживают существующую власть, сколько находятся не в состоянии мобилизоваться против нее из-за вероятности индивидуальных санкций, а также из-за ожидания того, что другие избиратели также не мобилизуются¹⁰.

Проблема легитимности режима не оказывает влияния на реальную динамику политической конкуренции, хотя объяснить причины сохранения электорального фасада довольно непросто. Электорально-авторитарные режимы придерживаются формальных институциональных правил, когда они являются удобными, но также и потому, что они предположительно наделяют режим некоторой минимально достаточной степенью легитимности. В то же время, подобные режимы являются ненадежными, так как ни элиты, ни общество, ни даже международное сообщество не убеждены в истинном характере конкуренции на выборах. Стабильность и устойчивость электорально-авторитарных режимов сводится к проблеме коллективных действий среди элит либо масс. Сам факт выборов может способствовать координации ожиданий элит или мобилизации масс против режима, но ни одна из этих функций не объясняет регулярное проведение выборов как непрерывную деятельность¹¹.

Когда исследователи уделяют внимание идеям и идентичностям, они обуславливаются исключительно международными связями с Западом¹² и циркулируют среди оппозиционных сил, распространяясь в сетях активистов¹³. Уэй представляет иной подход к моделям коллективного действия. Его подход концентрируется на стабильности электорально-авторитарных режимов в плане способности существующей власти предотвратить дезертирство элит и доступности мобилизационных ресурсов для оппозиции – особенно в форме национальной идентичности, ориентированной против существующей власти. Косвенно опираясь на

⁹ Magaloni B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. N.Y., 2006.

¹⁰ Tucker J.A. *Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions // Perspectives on Politics*. 2007. Vol. 5. № 3. P. 535-551.

¹¹ В то время как это замечание относится к поведению режима в поисках легитимности, это не сбрасывает со счетов того, что выборы могут иметь важные функции, как оценка лояльности, проверка деятельности подчиненных или определение проблемных зон. Однако, можно спорить о том, является ли это функцией удобства проведения выборов и, в свою очередь, является ли проведение выборов необходимым шагом, предшествующим манипуляции ими в целях осуществления этих функций. Левитски и Уэй приписывают это регулярное проведение выборов международной обстановке после холодной войны, хотя они признают, что давление в этих целях было распределено неравномерно и было наиболее слабым в постсоветском регионе. Следовательно, их объяснения преобладания неформальных институтов, проблем преемственности и поведения партии остаются незатронутыми распределением идейной власти. Levitsky, Way. *Competitive Authoritarianism*.

¹² *Ibid.*

¹³ Beissinger M.R. *Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // Perspectives on Politics*. 2007. Vol. 5. № 2. P. 259-276; Bunce V.J., Wolchik S.L. *International Diffusion and Postcommunist Electoral Revolutions // Communist and Post-Communist Studies*. 2006. Vol. 39. № 3. P. 283-304.

исследования социальных движений, он утверждает, что представление претензий к существующей власти в националистических тонах может способствовать мобилизации внутри страны, в то же время ограничивая способность существующей власти опираться на зарубежную поддержку¹⁴.

В то время как это в некоторой мере способствует более широкому пониманию динамики режима за рамками исключительно материальных и рациональных оснований, есть две существенные проблемы, связанные с включением идентичности в пояснительную схему. Во-первых, идентичность при таком подходе считается статичной и даже независимой от создающего ее процесса: она «готова», а не сформирована. Во-вторых, предполагая, что идентичность играет существенную роль в объяснении оппозиционной политической деятельности, данный анализ повторяет тенденцию литературы о спорной политике пренебрегать ролью негосударственных или общественных акторов в отношении стабильности режима¹⁵. Вместо этого, к ним обращаются только в исследованиях социальной мобилизации *против* гибридных режимов. В исследованиях электоральных революций формирующие процессы и принятие культурных комбинаций для общественной мобилизации используются лидерами оппозиции и молодежными движениями. Режимы, напротив, не столько являются акторами, сколько составляют структуры политических возможностей, которые различаются в основном по степени интенсивности репрессий и сплоченности (или способности использовать принуждение). Как минимум, можно с ответственностью утверждать, что действующая власть участвует в формирующих процессах и одновременно в процессах противоположных им, хотя достаточного внимания возможности режимов успешно разрабатывать провластные идентичности в поддержку статус-кво не уделяется¹⁶.

Если не поддаваться соблазну объяснить устойчивость электорально-авторитарных режимов исключительно в терминах временных гарантий покровительства, ограниченной угрозы принуждения, социальной инертности или равновесия элит, то возникает необходимость искать источники власти, альтернативные тем, которых требуют материалистические и рационалистические под-

¹⁴ Way L. The Real Causes of the Color Revolutions // *Journal of Democracy*. 2008. Vol. 19. № 3. P. 55-69; idem. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine // *World Politics*. 2005. Vol. 57. № 2. P. 231-261.

¹⁵ Эти случаи отображают характерные тенденции в исследованиях гибридных режимов и авторитаризма, как показывают две недавние статьи-обзоры авторитарных выборов и однопартийной политики, в которых только один абзац в целом посвящен данному вопросу. См.: Gandhi J., Lust-Okar E. Elections under Authoritarianism // *Annual Review of Political Science*. 2009. Vol. 12. № 1. P. 403-422; Magaloni B., Kricheli R. Political Order and One-Party Rule // *Annual Review of Political Science*. 2010. Vol. 13. № 1. P. 123-143.

¹⁶ Формирование анти-властных схем является по определению актом борьбы, а соответствующий набор притязаний со стороны действующего режима является актом легитимации. Легитимность в этом смысле является тем, что производится, или тем, к чему стремятся посредством легитимирующих практик.

ходы. В особенности, следует серьезно подходить к вероятности того, что электорально-авторитарные режимы уделяют особое внимание разработке идентичностей или идеологий в свою поддержку. В свою очередь, это означает, что их стабильность следует объяснять в терминах этих идентичностей или идеологий, а также что они, по меньшей мере, имеют минимальный успех, культивируя настоящие социальные аудитории для себя и демобилизуя либо разделяя оппозицию с помощью применения идейной власти.

Национализм как форма идейной власти

В данной статье, утверждая, что национализм является важным измерением власти постсоветских гибридных режимов, мы подходим к национализму как к набору практик, зависящих от контекста и нацеленных на воспроизводство легитимности режима. Националистические утверждения и практики как стратегия режима являются образующими формами политической рациональности, предоставляя основания для создания отношений с клиентами и соперниками. Тактика националистической политики выступает частью стратегии режима, связанной со временем и ситуационными возможностями для манипуляции событиями¹⁷. Национализм, таким образом, является пространством борьбы в рамках политического поля, где доминирует существующий режим, которое структурирует позиции акторов по отношению к распределению доступного символического и культурного капиталов. В результате, это означает, что не может быть субъектов, не заинтересованных в националистической политике.

Исследования национализма в последнее время фокусировались на его мобилизационных аспектах, привнося идеи из исследований социальных движений в понимание циклов или волн националистических конфликтов. В то время как этот аспект национализма полезен для понимания богатых на события или «громких» исторических периодов¹⁸, большая часть временно-пространственных моментов истории являются «тихими» или бессобытийными (не трансформационными)¹⁹. Более того, использование литературы о социальных движениях может свести исследования национализма не более чем к резонирующей схеме мобилизации. Если ключевая методологическая предпосылка в основании исследований спорной политики заключается в том, что конфликтные события не имеют наблюдаемой или причинно-следственной независимости, то можно обнаружить,

¹⁷ Об отношении практики к тактике и стратегии, см.: de Certeau M. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley, 1984.

¹⁸ «Событием» является политическое действие, которое трансформирует общественную структуру. Sewell W.H. *Logics of History: Social Theory and Social Transformation*. Chicago, 2005.

¹⁹ Характеристика насыщенной и ненасыщенной событиями истории как «громких» или «тихих» периодов взята из: Beissinger M.R. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge, 2002.

что мобилизационные схемы внедряются в социальную и политическую структуру и влияют на последующие мобилизационные циклы²⁰.

Национализм не исчезает просто так в промежутках между трансформационными событиями. Как утверждает Брубейкер, нация – это ситуативная категория, формируемая политическим полем и принимающая форму взаимных позиций, которые составляют политических акторов и их интересы²¹. Нации не развиваются в смысле становления людей более или менее национальными, так же как нации не могут быть «завершенными»²². Нация, скорее, практикуется по-разному вне мобилизационных циклов. Определение националистических практик в подобные «тихие времена» может быть сложным. Как замечает Брейлли, «национализм остается особенным лишь до тех пор, пока не перестает быть безуспешным»²³.

В противовес трансформационной природе националистической мобилизации, с помощью которой осуществляется смена режима, национализм, практикуемый новыми государствами или режимам, *консервативен*: он может способствовать объединению элит при определенных условиях. В то же время, его польза в продвижении идеи национальной идентичности среди масс главным образом включает в себя усиление уже существующего чувства национальной солидарности²⁴. В тех случаях, когда различие между государством и обществом устраняется (т.е. когда националисты успешно берут контроль над государством во имя нации во время мобилизационного цикла), основания национализма, казалось, устраняются вместе с ним. Становится все сложнее отделить националистическое от ненационалистического, за исключением периодических изменений интонации и акцентов в процессе формирования политического курса.

Можно предположить, что подобные трудности в отделении трансформационных форм национализма от консервативных усиливаются в недемократических режимах. В своем основополагающем труде об авторитарных и тоталитарных режимах Линц утверждает, что национализм мог бы быть приравнен, как максимум, к «менталитету» в авторитарных режимах, которые используют комбинацию прагматических и эмоциональных призывов для оправдания своей политики²⁵. Подобные призывы инструментальны по своей природе и несут в себе минимальное символическое содержание (или «ограниченный утопизм»), определяемое исключительно в отношении к минимальному общему знаменателю, ко-

²⁰ McAdam D., Tarrow S., Tilly C. Comparative Perspectives on Contentious Politics // Comparative Politics: Rationality, Culture, and Structure / Ed. M.I. Lichbach, A.S. Zuckerman. N.Y., 2009.

²¹ Брубейкер опирается на понятие «политического поля» Бурдьё. Обсуждение понятия поля см. здесь: Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, Mass., 1991. P. 172-190; Bourdieu P., Wacquant L.J.D. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago, 1992. P. 94-115.

²² Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996.

²³ Breuilly J. Nationalism and the State. 2nd ed. Chicago, 1994. P. 390.

²⁴ Ibid. P. 269-278.

²⁵ Linz J.J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. Boulder, 2000. P. 163.

торым объединяются все фракции и институты правящей коалиции. Расплывчатость подобных «менталитетов» ослабляет их способность к мобилизации масс и особенно снижает их привлекательность для политических предпринимателей и инноваторов (в первую очередь интеллектуалов, студентов, молодежных или религиозных лидеров)²⁶. В этом смысле авторитарные менталитеты способствуют развитию минимально достаточного уровня поддержки режима, но в то же время держат общество в деполитизированном и апатичном состоянии.

Долгосрочное влияние данной Линцем оценки заключалось в том, что идеологии и идентичности представлялись как не имеющие большого значения вне тоталитарных систем или небольшого класса этнократий. Однако наследие тоталитарной власти усложняет концептуальные различия между тоталитарными идеологиями и авторитарными менталитетами, на что намекает значительная разница между постсоветскими электорально-авторитарными режимами и теми авторитарными режимами, которые рассматривал Линц. Одно из существенных отступлений от типологии политических режимов Линца заключается в почти всеобщей практике многопартийных выборов на постсоветском пространстве. В то время как Линц утверждал, что выборы при авторитарных режимах маловероятны, он отмечал, что их наличие было распространенной чертой тоталитаризма как средства оценки успешности правящей партии в обеспечении все большей явки избирателей²⁷. Продолжение практики проведения выборов среди постсоветских режимов находится на пересечении практик правящих групп, унаследованных от советского периода, требований общественного суверенитета, которые принимали форму антисоветских националистических выступлений, а также (в меньшей степени) международных ожиданий после распада Советского Союза.

Второе отличие касается роли национализма в требованиях независимости и в создании политических акторов среди постсоветских гибридных режимов. На постсоветском пространстве национализм представляется чем-то большим, чем менталитет, но, конечно, меньшим, чем всепоглощающая идеология, типичная для тоталитарной власти. Национализм касается не только левой либо правой части политического спектра, но может принадлежать любой из этих частей, или даже обеим одновременно²⁸. Однако, если идеология является устойчивым набором принципов относительно соответствующей организации и распределения власти, то для национализма характерно следующее: он представляет подходящую и справедливую организацию власти в терминах границ национального сообщества. Он предлагает критерии для оценки деятельности режима со стороны любого индивида или организации, являющейся частью сообщества. Более того, национализм проникает в сферы искусства, экономики, образования и науки таким образом, что они могут оказывать влияние на общество вне зависимости от политики. Тогда, в связи с предыдущим замечанием о тоталитарном наследии,

²⁶ Ibid. P. 164-165.

²⁷ Ibid. P. 92.

²⁸ Kedourie E. Nationalism. 4th, expanded ed. Oxford; Cambridge, Mass., 1993.

устойчивость социальных структур советского периода может способствовать замещению тоталитарной идеологии национализмом в виде способа легитимации.

Легитимация после мобилизации

Классическим трудом о легитимности является анализ Вебера трех форм легитимности власти – традиционной, харизматической и легально-рациональной²⁹. Данная характеристика легитимной власти в конечном итоге опирается на понятие легитимности в терминах общественного согласия и подчинения определенной форме политического порядка. Более поздние социологические и социально-психологические исследования фокусировались на легитимности не столько как на атрибуте организации или режима, сколько как на продолжающемся социальном процессе³⁰. Легитимность в первую очередь ассоциируется с представлениями о справедливости и честности. О легитимности властей и институтов судят в соответствии с тем, каким образом они принимают решения и используют свой авторитет. Помимо процедурной легитимности, власть может легитимироваться с помощью запросов на обладание определенными знаниями (например, научными), аутентичностью или рациональностью. В этом смысле, легитимность относится к восприятию и познанию в той же мере, в какой она является нормативной или предписывающей.

Процесс, с помощью которого легитимируются новые социальные объекты, проходит через стадии инновации, местной оценки и распространения³¹. Эти три стадии соответствуют процессам, которыми исследователи спорной политики объясняют социальную мобилизацию. Этап инноваций включает в себя начальный процесс оформления и выбора культурных комбинаций; местная оценка обеспечивается изначальным успехом мобилизации; распространение происходит, когда другие акторы присваивают и принимают исходную мобилизационную схему для своих собственных целей³².

Преимущество этого описания легитимации заключается в том, что оно предлагает механизмы, соединяющие институциональные характеристики постсоветских режимов с их практиками поиска легитимности относительно тех средств, с

²⁹ Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley, 1978. Vol. 2.

³⁰ Недавние обзоры этой литературы см. в: Johnson C., Dowd T.J., Ridgeway C.L. *Legitimacy as a Social Process* // *Annual Review of Sociology*. 2006. Vol. 32. № 1. P. 53-78; Tyler T.R. *Psychological Perspectives on Legitimacy and Legitimation* // *Annual Review of Psychology*. 2006. Vol. 57. № 1. P. 375-400; Zelditch M., Jr. *Theories of Legitimacy* // *The Psychology of Legitimacy: Emerging Perspectives on Ideology, Justice, and Intergroup Relations* / Ed. J.T. Jost, B. Major. N.Y., 2001. P. 33-53.

³¹ Dowd, Ridgeway. *Legitimacy as a Social Process*. P. 60-61.

³² McAdam, Tarrow, Tilly. *Comparative Perspectives on Contentious Politics*; Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. 2nd ed. N.Y., 1998.

помощью которых они успешно обрели независимость. Каждый из постсоветских электорально-авторитарных режимов приобрел независимость через националистическую мобилизацию, принял рыночную и политическую конкуренцию как нейтральные общественные стандарты для установления справедливости, и укрепил границы национальной принадлежности и участия в смысле территориального определения нации (которое исследователи обычно обозначают «гражданским» определением нации)³³. По своей структуре, режимы отличаются неполной монополией на политику и экономику. Преобладание неформальных практик над формальными институциональными процедурами подрывает эти режимы, раскрывая разрыв между собственно практиками и публично озвучиваемыми стандартами справедливости в политической и рыночной конкуренции³⁴. Однако, эти неформальные практики также поддерживают подобные режимы, создавая аудитории, которые выигрывают от взаимного участия в обходе формальных институциональных правил³⁵. В практическом отношении, это создает компромисс между сохранением единства элит и обеспечением подчинения граждан, для которого не подходит ни одна комбинация принуждения и покровительства. Вместо этого, электорально-авторитарные режимы могут стремиться к легитимности, отражая националистические позиции и репертуары, унаследованные от цикла антисоветской мобилизации и преобразованные.

Механика националистической легитимации

Если национализм – нечто большее, чем «менталитет» Линца, то следует отслеживать как те случаи, когда он используется намеренно с целью поддержки единства элит и демобилизации общества, так и то, как он функционирует независимо от режима. Первое легко осуществить, различая национализм трансформационный (как конфликтное действие) и консервативный (как форма легитимации). Во время мобилизационных циклов те, кто принимает инновации на ранних стадиях, имеют большую свободу для разработки националистических запросов и приспособления их к местным условиям. Те, кто усваивает инновации на поздних стадиях, все больше ограничены необходимостью поддерживать легитимность путем подражания. Схожие отношения можно наблюдать между

³³ Страны, в которых антисоветские националистические движения были успешными, включают в себя Прибалтику, Армению, Грузию, Молдову и Украину. Россия и Азербайджан представляют собой переходные случаи. Беларусь и страны Центральной Азии известны как имеющие свои националистические движения, несмотря на то, что этим движениям не удалось получить власть после независимости. Эти государства также объявили независимость позже других, и, в конце концов, установили однозначно авторитарные режимы.

³⁴ Electoral Authoritarianism. P. 13.

³⁵ Обсуждение неформальных практик как подрывающих и поддерживающих формально демократические институты см. здесь: Ledeneva A.V. How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business. Ithaca, 2006.

первыми и вторыми после мобилизации. Существующие правительства, которые приобрели власть вслед за антисоветской мобилизацией, или изначально независимые постсоветские режимы более аутентичны в обозначении националистических позиций, несмотря на то, что эти позиции могут быть обрисованы слишком узко или слишком оппортунистически. Практическая польза национальной идеологии прослеживается, например, в Азербайджане, Беларуси и странах Центральной Азии, где рынок и конкуренция были отвергнуты в пользу порядка и безопасности³⁶.

Второе требование более сложное, так как удивительным является не возникновение рационального расчета в националистической политике. Скорее, объяснения требует недостаток рациональности, связанный с националистической политикой. От политиков можно ожидать обдумывания способов манипуляции идентичности или мобилизации (или демобилизации) избирателей для достижения политических целей и для оценки вероятности их успеха, так же как последствий неудачи. Каверзной частью вопроса выступают акторы, ведущие себя так, будто у них нет выбора – особенно существующая власть, находящаяся в наиболее удобной позиции в политическом поле. Это особенно заметно среди тех представителей существующей власти, которые не были напрямую вовлечены в антисоветскую мобилизацию и споры о преемственности власти, последовавшие за этим. Так как они были не в состоянии опираться на те же запросы на аутентичность, как первое поколение постсоветских лидеров, они добивались легитимности через подражание репертуарам антисоветской и постсоветской мобилизации, использованным их предшественниками.

В этом смысле те, кто присоединяется к игре легитимации в электорально-авторитарных режимах на поздних стадиях, напоминают тех, кто позже включается в мобилизационные циклы: выше вероятность того, что они будут вынуждены или заставлены прибегать к национализму, даже если это противоречит их интересам сохранения единства элит или сдерживания угроз для подчинения общества. Кроме того, неполная монополия режима на политическом поприще дает возможность для оценки и оспаривания националистических образов существующей власти с помощью способов, независимых и неподконтрольных режиму. Другими словами, существующая власть должна приложить значительные усилия, чтобы обозначить свои полномочия достойными признания и лояльности, унаследованных от предыдущего режима. Эти практики, связанные с легитимными запросами на власть в течение предыдущего мобилизационного цикла,

³⁶ Leshchenko N. The National Ideology and the Basis of the Lukashenka Regime in Belarus // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. № 8. P. 1419-1433; March A.F. From Leninism to Karimovism: Hegemony, Ideology, and Authoritarian Legitimation // *Post-Soviet Affairs*. 2003. Vol. 19. № 4. P. 307-336; Matveeva A. *Legitimising Central Asian Authoritarianism: Political Manipulation and Symbolic Power*. Routledge, 2009. Это также соответствует, по существу, наиболее долгим срокам правления авторитарных лидеров на постсоветском пространстве. Именно в этих централизованных авторитарных государствах национализм приближается к «менталитетам» Линца благодаря монополии центрального правительства на представление нации.

перестраиваются и осуществляются таким образом, что данный класс существующей власти, в сущности, продолжает бороться с советской властью даже тогда, когда подобные практики становятся неблагоприятными и иррациональными.

Таблица 1. Националистические относительные позиции

<i>Практики режима</i>	<i>Практики подчиненных</i>	<i>Оппозиционные позиции</i>
Авторизация	Соревновательные	Подражательные
Поддержка	Подражательные	Соревновательные

Таблица 2. Практики режима, подчиненных и оппозиции

<i>Практики режима</i>	<i>Практики подчиненных</i>	<i>Практики оппозиции</i>
Авторизация	Инновации Перекупка	Высмеивание Разоблачение
Поддержка	Мимикрия Сокрытие	Провокация Перекупка

Практики существующей власти: поддержка, авторизация и десертификация

Националистические практики, перенимаемые существующим режимом, создают специфические относительные позиции (Таблица 1) и разнообразие националистических практик (Таблица 2), доступных подчиненным режима и оппозиции. Существующий режим стремится сохранить и регулировать доступ к своим резервам символического и культурного капитала, в особенности в своем отношении к признанию и лояльности, унаследованным с помощью предыдущих усилий по репрезентации. Таким образом, в электорально-авторитарных режимах *поддержка* и *авторизация* являются ценными инструментами легитимации. Это исходит из общих характеристик этих режимов, которые обсуждались ранее в данной статье: неформальные практики преобладают над формальным институциональным порядком, принуждения недостаточно для того, чтобы добиться подчинения, а политическая конкуренция служит общественно признанным принципом оценки. В сочетании, эти черты означают, что политическая борьба в меньшей степени касается происходящего в процессе конкуренции, и в большей – значимости соревнования как функции доступа и лояльности. Поддержка и

авторизация отличаются по отношению к происхождению националистической практики: поддержка означает одобрение практики, инициированной подчиненными режима или даже вне режима. Действительно, в последнем случае поддержка может служить способом кооптации оппозиции. Авторизация включает в себя предписание «сверху» или введение националистической практики внутри режима.

Поддержка и авторизация со стороны существующей власти транслируются с помощью сигналов и знаков, предлагающих такие виды индивидуальных действий для подчиненных, которые могут быть вознаграждены. Это поощряет согласие, в то время как ожидания режима передаются в пространстве между формальными процедурами и неформальными практиками. В той мере, в которой подчинение происходит в рамках этого пространства, оно усиливает привязку подчиненных к режиму, делая их причастными к подрыву формального конституционного порядка³⁷.

Дополнительной формой практики существующего режима, которая заслуживает отдельного внимания, является *десертификация*, хотя она не воспроизводит относительное позиционирование режима и его подчиненных. Существующий режим чувствителен к возможности разделения фракций внутри режима по отношению к вопросам национальной идентичности, особенно когда дебаты об определении нации потенциально могут повлиять на доступ к государственным ресурсам или на их распределение. Это создает напряженность между необходимостью допустить оппозицию к соревнованию (даже если только для вида) и предпочтением прекращения формирования фракций, основанных на идентичности, которые имеют потенциал для раскола режима. Более того, признание существования принципиальных национально-идеологических различий может ослабить любое ощущение неизбежности режима и воплощения в нем форм национального статуса, артикулированного в предыдущем мобилизационном цикле и принятом в качестве общей формы оценки. В таком случае недостаточно контролировать способность оппозиции конкурировать на выборах. Следовательно, существующая власть стремится десертифицировать мандат оппозиции как истинных претендентов на представление нации.

Десертификация может принимать разные формы, хотя для постсоветского пространства типичным является представление оппозиции как связанной с российской поддержкой (скрыто или явно). Фактически, это еще один способ, с помощью которого существующая постсоветская власть продолжает перенимать манеру борьбы против советской власти. Михай Гимпу, исполняющий обязанности Президента Республики Молдова, предоставил убедительный пример, объявив 28 июня «днем памяти жертв советской оккупации и тоталитарного коммунистического режима», что способствовало расколу с союзниками по правящей

³⁷ Это ощущение причастности наглядно проиллюстрировано обсуждением *круговой поруки* в работе Леденевой, см. Ledeneva. *How Russia Really Works*.

коалиции, а также вызвало резкую реакцию со стороны левой оппозиции³⁸. Еще одним из скандальных примеров была паника, вызванная грузинской телекомпанией «Имеди», которая показала в эфире инсценировку российского вторжения, в которой сообщалось, что Михаил Саакашвили убит, а оппозиционные лидеры были заклеены как национальные предатели за сотрудничество с Москвой. Программе предшествовала предостерегающая история о том, как могут развиваться события, «если грузинское общество не сможет объединить силы против российского заговора»³⁹. Заявления о связях оппозиции с Россией продолжились в 2011 году, когда Министерство внутренних дел опубликовало ряд скрытых видео- и аудиозаписей, предположительно показывающих причастность оппозиционных фигур к «сценарию, написанному» в России с целью свержения правительства Саакашвили⁴⁰.

Практики подчиненных: инновации, перекупка, мимикрия и сокрытие

Относительно националистических позиций, принимаемых существующей властью, подчиненные режима принимают комбинацию соревновательных и подражательных практик. Авторизация националистических практик существующей властью поощряет конкуренцию среди подчиненных, в то время как поддержка националистических практик способствует конформизму. И для соревновательных, и для подражательных практик существенными являются неопределенность и непрозрачность отношений между существующей властью и подчиненными. Подчиненные ищут способы продемонстрировать лояльность и повышенную ценность для режима. Они также склонны увеличивать значимость определенных форм культурного и символического капитала, которым они обязаны своими позициями.

При переходе от авторизации существующего режима к действиям подчиненных возникает одна проблема. Если подчиненные действуют в соответствии с неформальными или малозаметными сигналами, которые открыто подрывают формальный конституционный порядок, то раскрывается неформальный порядок. Однако если практики подчиненных легитимируют формальный порядок, то

³⁸ Radio Free Europe/Radio Liberty. June 26, 2010. http://www.rferl.org/content/Soviet_Occupation_Day_Causes_Rift_In_Moldovas_Ruling_Alliance/2083416.html. Как можно ожидать, подобная адаптация антисоветских выступлений в целях постсоветской легитимации особенно вероятна для постсоветских стран, которые сталкиваются с продолжающимися неразрешенными территориальными конфликтами, образовавшимися с распадом Советского Союза (такие как Абхазия и Южная Осетия, Приднестровье, Нагорный Карабах, Чечня и Крым в значительно меньшей степени до февраля-марта 2014 г.).

³⁹ Radio Free Europe/Radio Liberty. March 15, 2010. http://www.rferl.org/content/Saakashvilis_Eratic_Response_To_Invasion_Hoax_Raises_Suspicious/1984530.html.

⁴⁰ Civil Georgia. May 27, 2011. <http://civil.ge/eng/article.php?id=23530>.

это угрожает вбить клин между личным авторитетом представителей существующей власти и политических институтов, которые предположительно должны действовать беспристрастно. Проблема осложняется самой слабостью формальных институциональных отношений в электорально-авторитарных режимах, которые лишают подчиненных достоверной информации о намерениях и способностях существующей власти.

В электорально-авторитарных режимах авторизация националистических практик существующей властью и особенно конкуренция между подчиненными в режиме с непрозрачными правилами развития могут стимулировать использование предпринимателями *инноваций* для расширения границ официально санкционированных практик. Это заставляет режим либо вознаграждать тех, кто ставит под удар их запрос на право представления нации, либо принимать санкции в отношении тех, кто бы иначе поддержал их.

Но вознаграждение предпринимателей-инноваторов потенциально может дать повод другим для продолжения расширения границ авторизованной практики таким образом, что создается динамика лоялистской *перекупки*. В противовес классическим моделям этнической перекупки, однако, партии конкурируют за поддержку режима, а не за контроль над государством. Вероятный ответ существующей власти заключается в кооптации тех, кто успешно применяет инновации, и последующем делегировании им задачи сдерживания возможных соперников, авторизуя разработку ими предписанной режимом практики.

История российской партии «Родина» демонстрирует элементы и инновации, и практик перекупки. Дмитрий Rogozin, лидер партии, которая зародилась как левоцентристский националистический блок на выборах в Государственную Думу в 2003 году, повел ее в направлении поддержки переизбрания Путина (блокируя собственных кандидатов) в 2004 году. Однако в партии начался раскол из-за конкуренции за голоса националистов, что привело к ее унижительному снятию с выборов в Московскую Городскую Думу в 2005 г. из-за расистского агитационного видеоролика, в котором предлагалось «очистить Москву от мусора». Тем не менее, Кремль признал нишевую популярность партии и вложил ее в новую партию «Справедливая Россия»⁴¹.

В противоположность этому, поддержка существующей властью националистических практик воспитывает конформистские или подражательные позиции среди подчиненных режима. Наиболее безопасная практика включает в себя *микрию* практики существующей власти, хотя возможны непредвиденные последствия того, как подчиненные видят ситуацию и как они определяют соответствующий ход действий в зависимости от сигналов со стороны существующей власти. В наименее удачном случае, городские власти Перми одобрили размещение в городских автобусах цитаты Адольфа Гитлера: «Мы тогда победим Россию,

⁴¹ Laruelle M. In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia. N.Y., 2009. P. 102-107.

когда украинцы и белорусы поверят, что они не русские», в рамках общественной рекламной кампании под названием «Мудрость мира»⁴². Наклейки быстро убрали, а сконфуженные местные власти отрицали свою осведомленность об инциденте.

Для институтов, которым вверено поддержание и обеспечение формального институционального порядка, неизбежная нечеткость сигналов режима и поддержка националистических практик может способствовать амбивалентности, которая выражается в виде *сокрытия* неавторизованных националистических практик. Подобные случаи нередки, к примеру, для правоохранительных органов, когда щекотливым вопросом выступает преступность на этнической почве. В таких ситуациях наиболее «безопасным» способом разобраться с административными и политическими неудобствами является обозначение этнических преступлений неэтническими терминами. Такие практики безопасны, потому что они безвредны для государства и подтверждают нейтральное и справедливое восприятие режима этническим большинством. Сокрытие регулярно наблюдает московский центр «Сова», который отслеживает расизм, ксенофобию и экстремизм в России⁴³. Аналогичным образом, правительство Украины не собирает информацию о преступлениях на почве ненависти, полиция и прокуратура избегают классифицировать нападения как этнически или расово мотивированные, а судьи не делают поправки на приговоры, выносимые за насильственные преступления на основе этнической, расовой или религиозной ненависти, несмотря на существование соответствующих юридических положений⁴⁴. Мигранты и беженцы также жаловались на случаи пыток и издевательств со стороны украинских пограничников⁴⁵.

Практики оппозиции: высмеивание, разоблачение, провокации и перекупка

Отношения между существующим режимом и подчиненными, заключающиеся в принятии соревновательных и подражательных позиций, выглядят противоположно отношениям между существующей властью и оппозицией. Когда представитель существующей власти авторизует конкуренцию между подчиненными, оппозиция стремится выявить то расхождение между формальным и неформаль-

⁴² BBC Russian Service, September 22, 2010. http://www.bbc.co.uk/russian/radio/radio_utro/2010/09/100902_a_utro_perm_hitler_quotes.shtml; Пассажирам напомнили высказывания Гитлера // НТВ. 23 сентября 2010. <http://www.ntv.ru/novosti/205812>. Последнее посещение 15 июля 2014 г.

⁴³ Краткое обсуждение работы центра: Arnold R. Moscow's Sova Center // Problems of Post-Communism. 2010. Vol. 57. № 6. P. 55-57.

⁴⁴ Human Rights Watch // World Report 2012: Events in 2011. 2012. P. 516-517.

⁴⁵ Ukraine: Migrants and Asylum Seekers Tortured, Mistreated // Human Rights Watch. December 16, 2010. <http://www.hrw.org/news/2010/12/16/ukraine-migrants-and-asylum-seekers-tortured-mistreated>.

ным порядком, которое поддерживает лояльность подчиненных. Способность оппозиции включаться в политику – даже при недопущении ее участия в выборах – обеспечивается приверженностью режима к конкуренции как принципу оценки, производному от националистической антисоветской мобилизации в целях общественного суверенитета. Эта приверженность позволяет предугадывать и воспроизводить тактику режима, с последующим преобразованием в *разоблачение и высмеивание* его оппозицией.

В отсутствие реальной возможности получения контроля в государстве через выборы, оппозиция стремится разоблачить расхождение между общественным суверенитетом и электоральной конкуренцией. Разоблачение и высмеивание обычно включают в себя формы гражданского неповиновения, которые стремятся спровоцировать ответ от государства. Чем более закрыт режим, тем больше возможностей для его высмеивания есть у оппозиции. К примеру, российский оппозиционный лидер Борис Немцов был арестован в Москве за «экстремизм», когда он нес российский флаг на демонстрации в годовщину августовского путча 1991 года⁴⁶. В 2009 году сообщения о том, что правительство Азербайджана импортировало двух ослов по цене \$41,000 за каждого, привели к тому, что активист в костюме осла провел инсценированную пресс-конференцию (видео доступно на Youtube) о том, насколько лучше быть ослом, чем гражданином⁴⁷. В двенадцатую годовщину принятия декларации о суверенитете Беларуси четверо активистов были арестованы за «хулиганство» при возложении цветов к памятникам национальным поэтам, писателям и философам⁴⁸. В других случаях активисты использовали символический протест для того, чтобы заставить правительство запретить несанкционированные повседневные групповые действия, такие как езда на велосипеде, хождение, аплодисменты, глубокое дыхание, а также не совсем обычные действия, как рычание и мычание⁴⁹.

В противоположность этому, сферы, в которых режим поддерживает националистические практики, создают возможности для оппозиции использовать расхождение между режимом и теми аудиториями, которым отказано в признании с помощью подчиненных практик мимикрии и сокрытия. К примеру, сокрытие преступлений на этнической почве отказывает в признании как жертвам, так и виновникам, которые вне зависимости от отчета полиции понимают преступление в этнических терминах. Для виновников, недостаточная отчетность может быть истолкована как дополнительный сигнал, соответствующий националистическим практикам режима и поддерживающий продолжающиеся нападения на

⁴⁶ Radio Free Europe/Radio Liberty. August 24, 2010. http://www.rferl.org/content/Russian_Opposition_Leader_Faces_Court_Hearings/2136136.html.

⁴⁷ Видео с английскими субтитрами доступно здесь: <http://www.youtube.com/watch?v=Aaescv7xCIk> Последнее посещение 14 июля 2014 г.

⁴⁸ Radio Free Europe/Radio Liberty. July 29, 2010. http://www.rferl.org/content/Detained_Belarusian_Activists_To_Be_Tried_For_Hooliganism/2113283.html.

⁴⁹ Radio Free Europe/Radio Liberty. November 29, 2011. http://www.rferl.org/content/belarusian_authorities_scupper_yet_another_symbolic_protest/24405890.html.

почве этничности. В противном случае, это также может привести к мнению, что режим не желает либо не в состоянии действовать в соответствии с экстремистской версией этнической справедливости. Для всех, кроме полиции, сокрытие преступлений на этнической почве способствует лишь ослаблению легитимности режима. То же самое можно сказать и о других этнически мотивированных практиках (таких, как дискриминация на рынке труда), которые не защищены от административного сокрытия подчиненными режима. После погрома в Кондопоге в 2006 г. Общественная Палата Российской Федерации определила в качестве главной причины бездействия полиции в изначальных беспорядках, которые привели к смерти двух россиян⁵⁰. Карельский прокурор и группы по защите прав человека обвинили в последовавшем насилии интервенцию экстремистов, в частности, Движение против нелегальной иммиграции⁵¹. Более недавние погромы, охватившие Москву в декабре 2010 г., начались с протестов против вялой реакции полиции на убийство российского футбольного фаната выходцем из Кабардино-Балкарии⁵².

В этом смысле, экстремисты используют этническую *провокацию* как способ усиления деятельности режима. Следовательно, сокрытие представляет собой потенциально бóльшую угрозу для стратегий националистической легитимации в рамках электорально-авторитарных режимов, чем неуспешная мимикрия и лоялистская перекупка. Действительно, оно потенциально предлагает оппозиции сравнительное превосходство в форме аудиторий, которым режим официально отказывает в признании.

Более того, подобные практики несут в себе мобилизационный потенциал, так как сохранение режимом националистических практик создает универсально доступный критерий для оценки его деятельности (т.е. службы населению). Национализм создает ожидания, которые режим должен постоянно определять и получать, хотя это и может позволить лидерам оппозиции противоположной идеологической направленности объединяться против режима. Когда националистические призывы затмевают идеологические или материальные различия среди лидеров оппозиции, фракции внутри режима (или связанные с ним) могут увидеть для себя возможность объединиться с оппозицией, чтобы поменять баланс сил против режима. В таких обстоятельствах нетрудно заметить, как это может внести потенциальный вклад в традиционную этническую перекупку среди оппозиционных партий. Действительно, каждая крупная оппозиционная партия в России принимала националистические позиции в преддверии выборов в Госдуму в 2011 году, в то время как лидеры националистического «Русского марша» призывали своих последователей голосовать за любую партию, кроме «Единой России»⁵³.

⁵⁰ Российская Газета. 14 сентября 2006. <http://rg.ru/2006/09/14/op-kondopoga.html>.

⁵¹ Газета.ру. 6 сентября 2006. http://www.gazeta.ru/lenta/2006/09/06/news_780165.shtml.

⁵² Коммерсант. 14 декабря 2010. <http://www.kommersant.ru/doc/1556838>.

⁵³ Коммерсант. 4 ноября 2011. <http://www.kommersant.ru/doc/1809794>.

Заключение

Если допустить, что история движима событиями, не следует предполагать, что все «тихие» периоды сопоставимы во времени и географии. Они скорее привязаны к схемам и идентичностям, которые определяют предшествующие мобилизационные циклы. Среди гибридных режимов, которые обрели независимость путем националистической мобилизации против советского государства, национализм остается ключевым источником идейной власти в посредничестве между формальным конституционным порядком и неформальными практиками, а также в легитимации электорально-авторитарных режимов.

Оценка используемых существующей властью практик поддержки и авторизации предполагает набор практик, наиболее вероятных для принятия как подчиненными режима, так и оппозицией. Ценность такого подхода заключается в том, что он передает средства, с помощью которых националистические практики обеспечивают легитимацию, но также потенциально ослабляют единство элит и рискуют вызвать кризис режима.

Хотя данный анализ фокусируется в первую очередь на динамике внутри режима и между режимом и оппозицией, он остается неполным без принятия во внимание механизмов легитимации, действующих в динамике между режимом и обществом. В частности, следует исследовать точки пересечения политического поля с другими полями, которые имеют более существенную повседневную значимость для граждан в электорально-авторитарных режимах (в противоположность периодическим призывам голосовать за существующую власть). Такой подход обещает помочь объяснить обратные тенденции, следующие за последней волной мобилизации в постсоветском пространстве – ослабление общественной поддержки демократических достижений в каждой из стран, прошедших через цветные революции. Далее, он предлагает объяснения стратегий существующей власти по отвержению опыта демократизации 1990-х гг. как разрушительного для нации и представлению национальности как соответствующей советскому прошлому (как в России при Путине⁵⁴ или в Украине при Януковиче⁵⁵), или где национализм принимает форму утверждения нормальности в непростые времена⁵⁶.

Предложение исследовать националистическую легитимацию в отношении электорально-авторитарных режимов требует следующего предостережения: национализм не является по своей природе демократическим или авторитарным. Существует соблазн видеть оппозицию в авторитарных или полу-авторитарных

⁵⁴ Lukin A. Russia's New Authoritarianism and the Post-Soviet Political Ideal // *Post-Soviet Affairs*. 2009. Vol. 25. № 1. P. 66-92; White S. Soviet Nostalgia and Russian Politics // *Journal of Eurasian Studies*. 2010. Vol. 1. № 1. P. 1-9.

⁵⁵ Radio Free Europe/Radio Liberty. February 25, 2011. http://www.rferl.org/content/ukrainian_commentary/2320473.html.

⁵⁶ Laruelle. In the Name of the Nation. P. 2.

государствах положительной и справедливой, и без сомнения есть соблазн видеть националистические запросы оппозиции как по сути демократические. Подобным соблазнам следует противостоять, так как нет причины ожидать, что бренд национализма, используемый оппозицией, автоматически предрасположен к демократии. Более важно то, что подобные склонности могут закрывать исследователям глаза на способы, которыми националистическая легитимация структурирует отношения между институциональными акторами в различных режимах и в пространствах между мобилизационными циклами. Перефразируя Рена, нация остается ежедневным плебисцитом, даже когда настоящие плебисциты более не являются конкурентными.

Перевод с английского: Антон Шеховцов